

Карлос Гонсалес

Растем вместе

С младенчества до подросткового возраста
с любовью и уважением

Карлос Гонсалес

Растем вместе. С младенчества до подросткового возраста с любовью и уважением

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31761329

*Гонсалес, Карлос. Растем вместе. С младенчества до подросткового возраста: Ресурс; Москва; 2016
ISBN 978-5-9906512-8-9*

Аннотация

Мы продолжаем расти вместе с нашими детьми с помощью книг доктора Карлоса Гонсалеса, в которых он советует, как стать настоящими родителями, способными помочь нашим маленьким детям.

В своей новой книге доктор Гонсалес делится с читателями своими размышлениями по вопросам, которые затрагивают детей постарше – вплоть до подросткового возраста, – об особых условиях, в которых оказались современные родители, о применении родительского авторитета, его ограничениях и его действенности.

Быть родителем – это привилегия, уверен автор, и достойно пройти весь путь рядом и вместе со своим ребенком – задача всех современных родителей.

Содержание

Введение	6
Глава 1. Современные родители	9
Сомнения	11
Вина	15
Одиночество	21
Возраст	32
Количество детей	36
Стресс	39
Развод	43
Телевидение	54
Глава 2. Стили воспитания	57
Стиль сближения	58
Виды воспитания по Баумринд	64
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Карлос Гонсалес Растем вместе. С младенчества до подросткового возраста с любовью и уважением

Carlos González

Creciendo juntos. De la infancia a la adolescencia con cariño
y respeto

© Издательство «Ресурс», 2016, перевод, оформление

* * *

*Que voulez-vous? L'enfant me tient en sa puissance;
Je finis par ne plus aimer que l'innocence;
Tous les hommes sont cuivre et plomb, l'enfance est
or.*

Victor Hugo, L'Art d'être grand-père (1877)

*Что Вы хотите? Ребенок властвует надо мной
безраздельно;
Одну невинность я возлюбил;*

*взрослые – медь и свинец; золото – детство.
Виктор Гюго, Искусство быть дедушкой (1877)*

*Благодарю Хулио Басульто, Росу Жове, Кристину Силь-
венте и Монику Тесоне за их точные комментарии к рукопи-
си. И моего издателя – Ракель Джисберт – за ее бесконечное
терпение и непреклонность.*

Введение

Каждый раз, когда рождается дитя, с ним рождаются отец и мать. И с тех самых пор мы растем вместе, набираясь мудрости и жизненного опыта. Дети нам предлагают свою безусловную любовь, даже если мы ее совсем не заслужили. Они заставляют нас чувствовать себя важными и нужными, развлекают нас и озадачивают. Придают смысла и тепла нашей жизни, позволяют какое-то время сопровождать себя в их захватывающем приключении по открытию мира. Быть родителем – это привилегия.

В прошлых книгах я затрагивал темы, которые волнуют, прежде всего, родителей самых маленьких детей: грудное вскармливание и питание, плач и сон, распространенные предрассудки и абсурдные нормы, которые порой не позволяют нам наслаждаться нашими детьми, брать их на руки или утешать, когда они плачут, спать с ними и открыто проявлять всю свою нежность и любовь.

Пользуясь случаем, хотел бы поделиться кое-какими размышлениями по вопросам, которые затрагивают детей постарше – вплоть до подросткового возраста, – размышлениями об особых условиях, в которых оказались современные родители, о применении родительского авторитета, его ограничений и его действенности. Об увеличении до масштабов эпидемии диагноза «гиперактивность» в последние годы...

Я достаточно подробно останавливаюсь на отдельных научных исследованиях некоторых из этих тем. Кому-то, возможно, что-то покажется скучноватым, но надеюсь, что другим будут интересны не только мои выводы, но и весь тот процесс, который позволил к ним прийти. Мы живем в мире, перенасыщенном информацией, где любой может сказать, что угодно по любой теме, и его услышит огромная аудитория. Думаю, что полезно научиться критически оценивать прочитанное, требовать доказательств от тех, кто предлагает только голословные утверждения, отличать тех, кто обосновывает свои высказывания, от тех, кто выдумывает на ходу. Таким образом у первого, кто скажет «Если будете носить его на руках – он никогда не пойдет» или «Если вы кормите по требованию – вырастет малолетний преступник» или другую подобную глупость, вы сможете попросить научных доказательств, на которые опираются эти страхи.

Очень давно мне говорила одна мама, что когда ее сыну было четыре года, он просыпался (и плакал) каждую ночь до трех часов ночи. «Худшее, – говорила она, – было думать, что это никогда не кончится. Сейчас, когда он прекрасно спит, я думаю, как было бы хорошо, если кто-нибудь сказал бы мне тогда – «Это пройдет, еще два года – и все пройдет».

Ну, так вот – я вам это говорю. Это пройдет. Он перестанет плакать по ночам, научится ходить в туалет, самостоятельно есть и пережевывать. Перестанет постоянно проситься на руки, перестанет быть почемучкой. Пройдет детство,

отрочество. Сегодняшние проблемы завтра покажутся смехотворными. А с большой любовью и небольшим везением – завтрашние проблемы также будут казаться смешными.

Дети растут, и мы растем вместе с ними. Детство пролетает в одно мгновение, и пусть наше неумное стремление что-то в нем исправить не помешает им насладиться.

Глава 1. Современные родители

Какие они – современные родители? Я не знаю. Я был знаком только с несколькими тысячами матерей (и несколькими сотнями отцов). И с большинством очень поверхностно – по коротким встречам или письмам. Они были, в основном, очень схожи по происхождению и социальному статусу. С идентичными общими воззрениями на воспитание детей. (Прежде всего, это те родители, которым нравились мои книги.) И несмотря на это – они разные. Абсолютно разные во многих аспектах и даже беспокояще одинаковые – в других. И не всегда так уж легко понять – какие из этих воззрений свойственны современным родителям (родителям-испанцам среднего и близкого к нему уровня жизни), а какие объединяют родителей всех времен и народов.

И, безусловно, как же нам нравится классифицировать и вешать ярлыки на людей! Как будто мы все принадлежим к одной группе, как будто все одинаковые! Современные матери и матери позапрошлого года, мужчины и женщины, немцы и эскимосы, подростки и беременные женщины... Порой наши предрассудки настолько сильны, что время от времени мы стремимся предусмотреть даже «исключения, подтверждающие правило». Пожилые «должны быть» скучными, пассивными, рутинерами и скрягами. А человек в годах, который ведет активную жизнь, – это потому, что он «молод

духом». Те, кто считает, что мы, мужчины, «должны быть» грубыми, с плохими манерами, грязными и бесчувственными, не долго думая, объявляют нас «женоподобными» вместо того, чтобы отказаться от своих предрассудков. Таким образом, я не могу говорить обо всех «современных родителях». Лишь о некоторых, лишь в общих чертах. Может быть, вы узнаете себя в каких-то поступках и почувствуете облегчение (или вас позабавит), когда поймете, что и с другими родителями происходит нечто подобное. Может быть, откроете что-то в себе такое, чего раньше не замечали, или чему не могли придумать название. А может быть, то, что я говорю, не будет иметь ничего общего с вами. Тогда надеюсь, что вы не поверите в мои слова и не попадетесь на удочку, думая, что вот какой-то невежда, находящийся в сотнях или тысячах километров вас, знает о вас больше, чем вы сами о себе. Я не буду рассказывать вам – какой вы есть, а только – какими мне кажутся некоторые родители, с которыми я был знаком лично.

Сомнения

Современные матери создают впечатление очень неуверенных в себе. Конечно, моя точка зрения весьма поверхностна, так как я сужу только по женщинам, которые приходят ко мне на консультации относительно своих проблем и сомнений. Возможно, есть тысячи, миллионы уверенных в своих силах матерей, спокойно растящих детей. Хорошо или плохо, но с уверенностью. Потому что это разные вещи. Делать что-то хорошо или плохо – не имеет отношения к сомнениям. Можешь делать что-то очень хорошо и при этом сомневаться, а в большинстве случаев – делаешь что-то хорошо, а что-то плохо (и не очень уверен при этом – что из этого делаешь хорошо, что плохо), и в силу этого возникает еще больше сомнений.

В большинстве случаев, если вас это утешит, никто не может знать – хорошо он что-то делает или плохо. Рассказать сказку, успокоить, когда плачет, выслушать, когда говорит, – это понятное дело, что хорошо. Бить, оскорблять, высмеивать – ясно, что плохо. Но плоха ли конфетка, хорош ли банан, лучше синтетическая одежда или хлопковая, дышленок на сковороде или в панировке? До какого времени помогать ему делать уроки или участвовать в его играх?

Где грань – между «не обращать внимания» и «не вмешиваться через чур»? Я не знаю и не думаю, что кто-либо знает.

Боюсь только, что эти замечания, возможно, утешив одних мам, других заставят сомневаться еще больше.

Мне неизвестно, больше или меньше сомнений было у женщин в прошлом по сравнению с современными матерями. Предполагаю, что меньше, основываясь на двух следующих размышлениях.

Первое: у них было больше опыта в уходе за детьми. В семьях было больше детей, которые видели, как их мать ухаживает за несколькими младшими братьями-сестрами (и помогали ей в воспитании). Младший ребенок видел, как старшие ухаживали за несколькими племянниками (и тоже должны были помогать). Семья не была так малочисленна, как сейчас (что называется – «нуклеарная семья», то есть сформированная исключительно родителями и детьми). Вместе могли жить несколько поколений и ветвей, несколько матерей с несколькими детьми.

Второе: было меньше культурного разнообразия. Нет, я не имею ввиду только иммиграцию, хотя ее надо тоже учесть. Дело в том, что привычки внутри одной страны были очень схожими, а уж в маленьком поселке они были практически одинаковы – в любом аспекте. Все соседи исповедовали одну религию, одинаково воспринимали мир, одевались в однотипную одежду. Кухня и музыка также не различались. Без интернета, телевидения, имея небольшую библиотеку, большинство населения ничего не знало об укладе жизни жителей соседнего села, не то что других континентов!

Возможно, я принадлежу к одному из последних поколений детей, выросших на одних и тех же незыблемых привычках. Когда почти все матери делали все одинаково со своими детьми. Воскресная служба, вечерняя молитва перед сном, не класть локти на стол, желать доброго утра и доброго вечера, в кровать в девять вечера... Ребенок, который шел в гости к другу, видел там обычно те же нормы, что и в его семье. Ребенок, который поступал «плохо» мог услышать порицание от любого взрослого, находящегося поблизости.

Но сейчас – царит бесконечное разнообразие. Дети не всегда делают то же, что делали бабушки-дедушки, они вполне могут делать и полностью противоположное. Могут делать то, что вычитали в книге, увидели по телевизору или просто, что пришло в голову. К примеру, я знал одних родителей, которые пытались воспитывать своих детей на идеях, взятых из книги «Клан пещерного медведя». Фантастического романа!

Наши дети быстро распознают такие особенности, нормы и стили воспитания в разных семьях и пытаются воспринять «лучшее из каждого дома». Так возникает решающий аргумент во всех спорах: «А Марии это разрешают».

Подозреваю, что в прошлом матери меньше сомневались, потому что у них был опыт в уходе за детьми и потому что все делали это одинаково. И подозреваю, что в случае сомнений они предпочитали обращаться к своим собственным матерям и соседкам, к другим опытным женщинам.

Но сегодня у мам много, очень много сомнений, и создается такое впечатление, что другим матерям они мало доверяют. Вероятно потому, что при наличии стольких различных стилей и методов воспитания советы того, кто использует другой метод, — тебе уже не годятся. Дело все в том, что сегодня ищут ответы в книгах, журналах, у специалистов (педиатров, медсестер, психологов, воспитателей...). И, по крайней мере, это объективные и показательные факты: никогда раньше не было в киосках столько журналов о детях, столько книг по уходу за детьми в книжных магазинах, такого количества детских психологов в школах, консультаций «здоровый ребенок» в педиатрии. Если матери в прошлом имели какие-то сомнения, они их проясняли в своем окружении или оставались со своими страхами один на один.

Вина

В этом вопросе у меня нет ни малейшей догадки. Всегда ли чувствовали вину матери или только сегодня?

Дело в том, что современные мамы ощущают огромное чувство вины. За то, что делают, за то, что не делают, за то, что считают что-то хорошим, но в глубине знают, что это плохо. За то, что делают что-то, что считают плохим, но в глубине знают, что это хорошо.

Скорее всего, именно сомнения способствуют возникновению и дальнейшему культивированию такого чувства вины. Когда все вокруг воспитывали детей одинаково, было значительно легче предполагать, что поступаешь хорошо. Сейчас же – с таким-то выбором – так просто ошибиться... Фактически, а это можно доказать математическим путем, ошибаться – это нормально. Если есть два пути, и только один из них верный, вероятность попасть в цель один к двум. Если путей двенадцать, вероятность один к двенадцати. Поэтому матери все время ошибаются. И всегда во всем виноваты.

Есть две важные ошибки в этих «доказательствах». Возможно, это те же самые две ошибки, которые неосознанно делают матери. *Во-первых, ошибочно полагать, что существует только одна правильная форма воспитания детей, а все остальные – плохие.* На самом деле, существуют ты-

сячи одинаково достойных форм воспитания детей и другие тысячи, которые не будучи настолько идеальными, все же довольно хороши. И еще тысячи, которые так сразу на глаз и не определишь – хорошие они или нет, потому что у нас нет достаточных фактов и мы делаем то, что в наших силах. Возможно, надо было бы рассуждать от противного: если есть двенадцать форм воспитания детей и только одна из них плохая, есть только одна возможность к двенадцати – ошибиться. *Во-вторых, ошибочно полагать, что матери будут выбирать наугад между всеми вариантами – у них есть естественная способность выбирать правильные варианты.* Большинство мам справляются с этим весьма достойно, и делали это на протяжении тысячелетий – иначе мы бы здесь с вами не общались.

Настаиваю – я не исповедую моральный релятивизм. Есть много форм правильного воспитания ребенка, что не исключает и такой возможности, как нанесение, пусть по незнанию или неосторожности, существенного вреда. Почти все матери делают достойный выбор, но некоторые – с этим не справляются (есть и невоспитанные дети, и оставленные). Иногда сложно понять – хорошо ли мы что-то делаем или плохо («Купить ему мороженое, которое он просит или объяснить, что это не здоровое питание?», «Остаться на качелях еще полчаса или пойти домой, так как холодает?» Нет, это не глупости, это то, из-за чего испытывают вину многие матери.). Но есть и иные вещи, которые, без сомнений, хорошие

или, без сомнений, плохие.

Часто в общении с матерями «срабатывает» что-то типа шестого чувства – во избежание ловушек с чувством вины. Стараюсь никогда не говорить «надо делать так» или «не делайте так», чаще всего использую обороты такого плана – «иногда...», «при случае...», «хорошо бы...», «может быть полезным...» Но некоторые мамы, такое впечатление, – ищут вину, как будто ищут сокровище, и им удается найти ее в любом месте. Если я говорю, что дети обычно просыпаются по ночам, найдется мама, обеспокоенная тем, что ее ребенок не просыпается достаточно часто. Пытаюсь утешить матерей, чьи дети много плачут, таким аргументом – «Ваш сын вас очень любит, поэтому отчаянно плачет, если вы покидаете его хоть на минуту». Так те счастливицы, у которых дети не плачут, начинают думать, что их дети их не любят... Нет, пожалуйста, ваш ребенок тоже вас любит, просто он выражает это по-другому!

Но некоторым «индивидам» как раз очень хочется, чтобы матери чувствовали свою вину. Это позволяет поддерживать в них состояние униженности и покорности! И, прежде всего, – это так просто! Есть классические обвинения – «Если возьмешь его на руки – он ходить не будет», надо заставлять его есть фрукты, это профилактика рака толстой кишки», «Плачет, потому что твои нервы ему через молоко передаются». А уж сколько различных «современных» и «альтернативных» историй: «Если у малышки астма, это потому,

что у тебя конфликт со своей собственной матерью, потому что мать «тебя душила», «Если у тебя трещины на соске, это потому что, на самом деле, ты не хочешь кормить грудью».

Пожалуй, самая абсурдная и жестокая из обвинительных теорий, которые я слышал (из уст профессионалов в области здоровья и психологии), касается кесарева сечения, наложения щипцов или затяжных и тяжелых родов. Она основана на том, что мать, возможно, неосознанно не хотела иметь этого ребенка, и поэтому «она закрылась». Конечно, и если в северных странах делают кесарево в одной трети случаев, по сравнению с Испанией, это не потому, что врачи там делают его по-другому, а потому, что там матери так «не закрываются»...

Представьте ситуацию: измученная несколькими часами родов, напуганная тем, что могло произойти, разочарованная кесаревым сечением, уже ощущая вину за «провал» (может, я не достаточно подготовилась, плохо дышала, плохо терпела боль, выбрала не тот роддом?). С гормональным взрывом, определенного рода печалью, которую некоторые матери ощущают после родов, – и тут кто-то тебе говорит, что в глубине души ты не хотела своего ребенка. Если исследуешь свое подсознание – какая мать что-то да не найдет? Может, ты хотела забеременеть после повышения, а вышло раньше. Возможно, в самый жаркий день лета ты подумала: «Какой ужас – эта жара, а я с таким животом, вся мокрая от пота, лучше бы я рожала зимой». Может быть, ты думала о

том, что путешествие, о котором так мечтала, теперь придется отложить на годы. Или предпочла бы родить второго малыша немного позже, по крайней мере когда старший будет спать всю ночь, не просыпаясь. День состоит из многих часов – для многих раздумий, а материнство пробуждает много противоречивых чувств. Но это не означает, что мы не любим наших детей. В итоге 90 % матерей склоняют голову и принимаются плакать, уверенные, что на самом деле – кесарево было по их вине, потому что они отвергали своего ребенка. Если одна из них в сомнении отвечает: «Насколько я помню – я никогда его не отвергала», ей возразят: «Видите? Это неосознанное отвержение». А для тех, кто в праведном гневе стукнет по столу и крикнет: «Неправда! Я никогда не отвергала своего ребенка!», есть окончательный ответ: «Видите? Вы выражаете отрицание!» С такими людьми нельзя спорить.

С другой стороны, некоторые матери (и отцы) используют чувство вины как окончательное оружие и последний аргумент в любой дискуссии. Если скажешь, например, что не надо бить детей, тут же возникнет кто-то: «И что такого? Я, что теперь, плохая мать, если я как-то один раз дала пощечину?» И обвинение такое страшное: быть «плохой матерью» настолько устрашающе звучит, что рациональное обсуждение далее становится невозможным и остается только безоговорочно смириться: «Нет, конечно, вы не плохая мать, если дали один раз пощечину». А если дали две? А если каж-

дый день? А если еще обзывали? А если до крови? Где есть предел, если он вообще есть? Я не знаю, да мне и не важно. «Простите, я не говорю о том, хорошая вы мать или плохая. Я не имею право судить. Я говорю о том – хорошо ли бить детей. А бить детей не хорошо. Даже если это делает хорошая мать».

Одиночество

Современные родители в целом сейчас более одиноки, чем их предшественники. Одиноки в пространстве, отделены от других людей, которые могли бы помочь им в воспитании детей, и одиноки во времени. Отделены от поколений своих предков.

Век XX видел поколение так называемой *нуклеарной* (ядерной) семьи (подобно тому, как атомное ядро разрушается в атомной бомбе, это семейное ядро разрушается растущим количеством разводов, с ужасающими последствиями для детей). Всего лишь одно-два поколения назад часто практиковалось совместное проживание с другими людьми – дедушками-бабушками и дядями-тетями.

Дедушки и, особенно, бабушки всегда участвовали в воспитании детей. Но это было сотрудничество «в параллели», когда делили в равных долях – работу, ответственность и семейный стол. Дома всегда был кто-то из взрослых, таким образом мать могла уходить и возвращаться без проблем и обвинений. Ребенок, обнаружив отсутствие матери или поняв, что она занята, с легкостью обращался к другому человеку. Было больше людей, способных рассказать сказку, взять на руки, ответить на один из «почему?..» Сегодня бабушки принимают огромное участие в воспитании детей, вероятно, в Испании даже большее участие, чем прежде (благодаря сме-

хотворно короткому декретному отпуску). Но речь идет об участии «серийном»: ребенок переходит из родительского дома в дом бабушек-дедушек (или же бабушка приходит на несколько часов в дом родителей). Мама не видит, что делает ее ребенок днем, а бабушка же не знает – ни что делает мать, ни что происходит вообще в семье в ее отсутствие. «Смена караула», зачастую, едва ли дает время на быстрый обмен какой-либо информацией («поел мало, покакал два раза, немного повышалась температура...»). Как мать, так и бабушка проводят наедине с ребенком по несколько часов, без чьей-либо поддержки и возможности передохнуть. Выйти на улицу для чего-либо, пойти к врачу или в парикмахерскую в такой ситуации не возможно без тщательного предварительного планирования. Несколько звонков, чтобы найти кого-то, кто мог бы остаться с малышом в четверг с десяти до двенадцати. С маленькими детьми даже принять душ или отойти в туалет – не простое действие. Ребенок же, видя свою сиделку временно занятой, уставшей или в плохом расположении духа (а мы, взрослые, иногда бываем не в духе), не может обратиться ни к кому другому.

Но мать (и бабушка) находится теперь в одиночестве не только дома, но и вне его. Раньше не было такой большой разницы в нахождении «дома» и «вне дома». Жизнь происходила в общих дворах, куда выходили двери всех соседских квартир, на площадях и на улицах. Двери были открыты, народ входил и выходил, матери стирали вместе белье

в общественных прачечных, садились вместе шить или лущить горох, пока дети бегали туда-сюда, а соседи шли мимо и здоровались. Еще я был свидетелем, как в конце семидесятых соседи на окраине Барселоны, населявшие кварталы, состоящие из пяти-восьмизэтажных зданий, построенных в основном в I половине XX века, выносили стулья на тротуар и вели беседы у всех на виду. Сейчас никто уже так не делает, по крайней мере, в городах и крупных поселках. Наиболее близко похожее на беседу на стуле происходит на улице, на открытой террасе кафе, но это не перед твоим домом, не во дворе и не составляет часть общей повседневной жизни. Ты или дома, или в другом месте, граница вполне ясна.

Когда жизнь проистекала на улице и дети могли играть, не опасаясь машин, ответственность и работа по уходу за детьми до определенного предела делилась с другими матерями по-соседству. Это прекрасно иллюстрирует старая поговорка: «Вытри нос сыну соседки и отправь к себе на кухню» (то есть позаботься и накорми его).

Социализация детей (то, что всегда существовало, но без современного определения) проходила в лоне большой семьи и по соседству. Дети социализировались в обществе, вступали в отношения с несколькими взрослыми (не только с родителями и воспитателями) и с детьми разного возраста (не только с братьями-сестрами или товарищами по классу). Они принимали участие в повседневной жизни взрослых, наблюдали за их действиями, слушали их разговоры (в

которых, вероятно, им не позволяли участвовать, но из которых они вскоре могли понять больше, чем полагали их родители). И только к концу XX века нас попытались убедить, что лучшая форма социализации ребенка – это отделить его от общества и семьи и поместить его в пространство с другими десятками детьми, которые еще не говорят, и одним единственным взрослым (как правило, женского пола), который, если что и говорит, то только обращаясь к детям.

Отсутствие других членов семьи, минимальное общение с соседями приводит к тому, что многие матери проводят долгие часы наедине с ребенком. Как считает Гро Ниландер (Nylander, Gro) в своей книге *«Материнство и грудное вскармливание»* – это негативно сказывается на ее психологическом состоянии. Нет ничего хорошего в том, что взрослый человек вынужден проводить долгие часы без общения с другими взрослыми, только в компании ребенка.

Не удивительно, что некоторые матери начинают желать, чтобы поскорее закончились эти жалкие шестнадцать недель отпуска по уходу за ребенком: они хотят вернуться на работу, потому что «на них стены давят». К одиночеству и недостаточному интеллектуальному стимулированию, которое приносит общение с другими взрослыми, присоединяется ряд предрассудков и советов, не позволяющих матери насладиться общением со своим ребенком. Ей постоянно запрещают различные вещи: «Не бери его на руки, а то избалуется», «Не обращай внимания, если плачет, он тебя «во-

дит за нос»... Никто ведь не скажет: «Не мой полы, а то при-
выкнешь», «Не стирай, а то всю жизнь стирать придется».

Желательно, чтобы женщина занималась еще чем-нибудь, чтобы помимо заботы о ребенке у нее был дополнительный и даже несвязанный с материнством круг общения. Проблема в том, что сегодня многие люди считают, что это несовместимо: «Тебе надо оставить малыша с кем-нибудь, чтобы было время для себя». Наши прабабушки не ходили в спортзал, бассейн или кино и могли общаться со своими родными и соседями без необходимости оставлять на кого-то ребенка. В наше время группы по грудному вскармливанию (см. список на www.fedalma.com) и другие ассоциации матерей помогают женщинам организовать свой досуг и работу без необходимости разлучаться с детьми.

Одна африканская пословица гласит: «Чтобы вырастить ребенка, нужна вся деревня». В отличие от других млекопитающих, достигающих взрослого состояния за недели или месяцы, наши дети нуждаются в уходе, внимании, воспитании и защите в течение более пятнадцати лет. А то и более тридцати. В одиночку матери сложно наладить все эти виды ухода, всегда было необходимо участие всего племени.

Структура этого племени изменилась существенно не только за последний век, но и в течение последнего десятилетия. Прежде ее формировали родные и соседи. Только подросшие дети ходили в школу — я сам пошел только в пять лет (да и сама школа появилась несколько веков назад). Се-

годня многие дети посещают образовательные учреждения, не достигнув и года, а других растит на дому нанимаемый персонал – няни и воспитатели, не являющиеся членами семьи.

Эти новые помощники отличаются от прежних по двум важным пунктам: во-первых, они уже не находятся рядом с матерью, помогая ей, а заменяют ее на время отсутствия. Во-вторых, они проводят с ребенком очень мало времени.

Раньше дети богатых родителей часто воспитывались нянями или кормилицами. Эти люди обычно долгое время находились в семье, дети устанавливали с ними крепкую эмоциональную связь, возникала привязанность. В литературе XIX века мы часто встречаем образ «дряхлой няни» или «старой горничной», к которой взрослый герой обращается с уважением, у которой он просит совета.

Сегодня же, напротив, приходящие помощники, воспитательницы детского сада или случайные няни не устанавливают и не могут установить какого-либо контакта с малышом. Порой они проводят с ребенком больше часов в день, чем сама мать (если вычтем время сна), и почти всегда у них больше времени для общения, чем у бабушек. Но интенсивность связи не может быть и не является той же самой. Воспитательница в детском садике должна защитить себя от опасности привязаться к своим подопечным, иначе выпуск группы будет восприниматься ею, как потеря собственных детей. Ребенок в любом случае навсегда связан со своими бабуш-

ками-дедушками, с тетями-дядями и другими родными. С этими людьми он будет находиться в контакте (более-менее частом) в течение всей своей жизни. А воспитательница после одного-двух лет интенсивнейшего контакта полностью исчезнет из его жизни. Она не позвонит в пять лет спросить как дела, не будет приходить на дни рождения, не будет отмечать с ними Рождество.

А что же малыш? Получится ли у него так же защититься, не привязаться всей душой к своей воспитательнице? Или сильная связь устанавливается, и, расставаясь, он переживает потерю любимого существа? Я не знаю.

Так что, глядя с другой стороны, родители сегодня одиноки, и их одиночество связано с отсутствием контакта как с родителями, так и со своими ровесниками.

Практически в любой сфере деятельности новички находятся в постоянном контакте с людьми, обладающими бóльшим опытом. Если вы поступаете на работу, хоть в адвокатскую контору, хоть в парикмахерскую, кто-то из тех, кто там проработал пять или десять лет, учат вас тому, что вам надо делать. И за всем этим наблюдают издалека те, у кого опыт уже двадцать или тридцать лет. Но родители обычно мало контактируют с теми родителями, которые старше их на десять или пятнадцать лет. Конечно, у них есть такие связи по работе или общению, но обычно воспитание детей они не обсуждают.

На эти темы родители обычно беседуют с родителями их

же поколения. С теми, с кем они познакомились на курсах по подготовке к родам, с которыми они встречаются каждый день в парке или в дверях сада или школы, которые ходят в те же спортивные секции... Родителями того же поколения. А ваши собственные родители, которые растили вас двадцать пять – тридцать лет назад, воспринимаются, видимо, (и ошибочно) дико древними и не внушающими доверия. Огромная межпоколенческая пустота.

Из-за недостатка общения с теми, кто был родителями всего десяток лет назад, и недоверие к тем, кто был ими более двадцати лет, молодые родители склонны верить тому, что советует кучка друзей и знакомых в духе «так все поступают», или даже «так всегда делали». Они не отдают себе отчет в том, что родители делали все совершенно по-другому несколько лет назад, или что в других странах (даже в других районах одного города) родители делают все по-разному. Несколько примеров.

Раннее начало посещения образовательных учреждений. Есть те, кто считает, что дети должны ходить в садик, потому что только так они «социализируются», «приобретают навыки» или «начинают говорить». Я знал матерей, которые, будучи безработными, экономят на всем, чтобы оплатить садик, потому что считают, что он необходим ребенку. Видел и тех мам, которые сильно переживают, что их ребенок не получит должного развития, общего и интеллектуаль-

ного, если пропустит хоть один день в садике. Есть и такие, которые ищут информацию о различных видах и формах занятий, стараются организовать обучение на дому для детей одного-двух лет. Они не знают, что сорок-пятьдесят лет назад практически никто не ходил в детский сад. Я сам, как уже говорил, пошел в школу только в пять лет. И, как видите, научился говорить, приобрел навыки (некоторые пускай и не очень хорошие, но все же навыки, как ни крути), поступил в университет. И сегодня мало кто из финских или немецких детей идет в сад раньше трех лет.

Пюре. Когда я говорю мамам, что они могут давать нарезанную кусочками еду, начиная уже с шести месяцев, что не надо размалывать еду до однородной жидкой каши, многие из них удивляются и даже пугаются. Он же подавится! Какое нововведение, никогда не слыханное, – не давать пюре! Если всю жизнь младенцы ели пюре! Так вот, нет. Я не ел пюре, как и все мои ровесники. Помню день, когда моя мама купила первый электрический миксер, как она в восторге распаковывала его детали, крепление на стену, инструкцию на трех языках, сменные ножи (один – для пюре, другой для майонеза и один специальный – взбивать белки до снежных пиков!). Я это помню прекрасно, потому что мне было семь лет. До этого она использовала давилку для картофеля с рукояткой, которая была сделана даже не из нержавеющей стали. После каждого использования приходилось тщатель-

но вымывать остатки, застрявшие в механизме, хорошенько вытирать насухо и смазывать маслом, чтобы давилка не заржавела. Моя мама терпеть ее не могла, она не использовалась неделями. Когда я был маленьким, конечно же, никто мне не готовил три пюре в день (и в любом случае, получилось бы не такое жидкое пюре, как в электрическом миксере, а густое). До семидесятых годов дети не ели взбитую еду, а ели порезанную на кусочки или помятую вилкой.

Ниблер – сеточка для прикорма, чтобы малыш не подавился. В нее кладут фрукт, чтобы ребенок сосал его через сеточку без опаски. Это чтобы опасный фрукт-убийца не напал на наших детей, которые могут тащить в рот все..., все, кроме еды – только этого не хватало. Я узнал о существовании ниблера года три назад от одной мамы. Видите, педиатр с более чем двадцатилетним стажем, отец трех двадцатилетних детей, и не в курсе о существовании сеточки, чтобы ребенок не подавился. Более того, я абсолютно уверен, что ее и не существовало. Как опасно было жить! Конечно, раз есть такое приспособление, чтобы ребенок не «подавился» и когда «все кругом его используют» – какой же отец позволит своему ребенку подавиться из экономии нескольких евро? Думаю, стоит мне запатентовать противометеоритный берет и ботинки против землетрясений.

Школьная столовая. Еще одно заведение, без которого

нельзя обойтись. Вплоть до того, что некоторые считают, что только там ребенок может научиться есть. А сорок лет назад обедать в школе было чем-то странным, в моем классе из пятидесяти человек только пять или шесть оставались. Мы же все шли домой, ели с нашими родителями и возвращались в школу.

Возраст

В отношении этого я обладаю объективными, реальными данными. Это показывает статистика: сегодня женщины рожают своего первого ребенка в среднем в более зрелом возрасте, чем их мамы и бабушки. У этого есть свои достоинства и недостатки. Поверьте, что мне совсем не хочется говорить неприятные вещи моим читательницам, но боюсь, что тут больше недостатков, чем достоинств.

Причины этой задержки многочисленны и разнообразны, и в каждом случае причины будут сильно различаться.

Возможно, влияет надежда на долгую жизнь, увеличение ее продолжительности и качества. В прежние времена наши предки едва доживали до сорока, поэтому они не могли оставлять все на потом.

Также вполне вероятно и влияние чисто экономических и рабочих аспектов. В определенных социальных кругах «принято» сначала получить образование (а с защитой всего, что можно, образование заканчивается на два года позже, чем в мои времена, из-за последовательного увеличения учебного плана в старшей школе), окончить бакалавриат, затем магистратуру. Получить специальность. Подготовить варианты. Найти постоянную и хорошо оплачиваемую работу. Купить квартиру. И эти два последних пункта становятся настолько недоступными, потому что так мало рабочих вакансий и

квартиры такие дорогие, что кажется, ты никогда этого не достигнешь. Век назад эти проблемы тревожили исключительно лиц мужского пола. Многие не женились, пока не обретали устойчивое положение. Жизнь не всегда удавалась, как хотелось, но все же имела цель. Состоявшиеся же мужчины женились на молоденьких девушках. Им-то не надо было думать ни о какой карьере. Эта ситуация обоим виделась выигрышной: он приобретал молодую и здоровую жену, способную родить ему детей. Она – ответственного и устроенного мужа, способного прокормить и защитить свою семью. Но современные пары обычно имеют один и тот же возраст, уровень образования и профессиональные устремления. Сегодня оба надеются на стабильность в жизни. Иногда до последнего момента.

Помимо проблемы трудоустройства, на отсрочку материнства, вероятно, влияют также поведение и жизненные приоритеты. За какие-то несколько десятков лет наше общество, похоже, уверовало в то, что иметь детей – не важно. Или что этот вопрос можно оставить на последний момент.

Были времена, когда «создать семью» или «жениться и остепениться» считалось основной целью в жизни человека. Я сам пошел в университет с твердым намерением найти жену и, заодно, изучить медицину. Правда, боюсь, я уже тогда был немного старомодным. Сам брак, который был по сути таинством, начал восприниматься как оковы. Дети, бывшие когда-то «благословением», стали считаться «бре-

менем». Главной целью жизни теперь стало «реализоваться», хотя никто толком не знает, что это означает (в начале, в семидесятых годах, говорилось о «реализации как личности»). По-видимому, человек может реализоваться будучи врачом, инженером, почтальоном или парикмахером, футболистом, альпинистом или балериной, не имея при этом детей. Если заботишься, кормишь и воспитываешь чужих детей, ты можешь «реализоваться как женщина», но если заботишься, кормишь и воспитываешь своих собственных, ты всего лишь домохозяйка.

Я говорил, что повышение возраста материнства имеет как плюсы, так и минусы. Современные матери более зрелые, у них больше жизненного опыта, выше социальный статус. Им легче искать информацию и принимать свои собственные решения, быть устойчивыми к критике и давлению родственников, соседей и профессионалов. Им проще оценивать советы, которые им дают, и отвергать те, которые не кажутся им резонными.

Но с другой стороны, растет разница в возрасте между родителями и детьми. А уход за детьми требует многих физических усилий, поднятий тяжестей, ползаний по полу, бега и прыжков, ночных подъемов. Позднее, в подростковом периоде, родители все больше отдаляются от времен своей собственной юности. Из-за быстрых перемен в моде и привычках им все труднее понимать мир своих детей.

А разница в возрасте с бабушками, конечно, еще больше.

Если ты стал отцом в двадцать пять, можешь ожидать внуков в пятьдесят. Тридцатипятилетние родители возможно станут бабушками-дедушками не ранее семидесяти. Мне бы не хотелось столько ждать. Из-за проблем с работой в последние десятилетия бабушки играют важнейшую роль в воспитании детей. Бабушки будущего уже не смогут быть такими приткими. И кто же тогда займется малышами? Мы должны вернуть родителям их главенствующую роль (что потребовало бы увеличение декретного отпуска для матери или отца до двух и более лет, вместо этих смехотворных четырех месяцев, которые у нас есть сегодня. Присоединяйтесь к кампании <http://mastiempoconloshijos.blogspot.com.es/>).

Значительное повышение возраста материнства приводит также к проблеме роста бесплодия. Создается впечатление, что многие женщины пытаются отсрочить время до тех пор, пока не осознают вдруг, что время уходит. У нас есть народное выражение для этой ситуации: «У меня рис переварился». Довольно часто я получаю вопросы от мам, кормящих грудью своих девятимесячных или полугодовалых детей, которые наслаждаются этим и хотели бы продолжать и дальше. Но перед ними встает вопрос отлучения, так как месячные не приходят или потому что им надо повторить лечение от бесплодия, а им сказали (не правильно), что такое лечение не совместимо с грудным вскармливанием.

Количество детей

Было время, когда в семьях обычно растили много детей – три или четыре для начала, а часто – семь или больше. Сегодня же многие семьи ограничиваются одним ребенком, некоторые имеют двух, а трое детей – почти исключение.

Это ведет к тому, что количество неопытных родителей растет. Раньше только один из каждых четырех-пяти родителей считался начинающим. Сегодня больше половины – молодые родители. А многие навсегда так и останутся начинающими.

У детей сейчас все меньше возможностей играть со своими братьями и сестрами. Конечно, взамен они общаются с друзьями, но это не одно и то же. С братьями можно находиться постоянно, с самого утра, когда проснулся, до самого вечера, когда ложишься спать. А игры с друзьями лимитированы расписанием дня. В определенные часы многие дети остаются дома одни. Это снижает возможность социального общения и благоприятствует играм в одиночестве, занятиям на игровых приставках и компьютерах вместо групповых игр, таких как лапта или загадки и ребусы. За неимением братьев и сестер, с которыми можно играть, дети могут требовать еще больше внимания от родителей. Некоторые из них наслаждаются таким общением, а у других может не быть ни времени, ни желания. Домашние дела копятся после

тяжелого рабочего дня, родители надеются, что ребенок займет себя сам. Кто-то им вдруг скажет, что их ребенок избалованный или «маленький тиран», что, естественно, вызывает только негодование и приводит к конфликтам.

Еще одна проблема: дело в том, что к первому ребенку относятся по-другому. Это имеет свои достоинства и недостатки, безусловно. Хотя родители еще не такие опытные, у них больше свободного времени, чтобы уделять его ребенку. Такой малыш наслаждается и более молодыми бабушками-дедушками, чем его братья и сестры, способными гулять, играть или рассказывать истории.

Но зачастую роль старшего брата приносит и свои особые недостатки: его родители свято верят в идеал «хорошего» и послушного ребенка, почерпнутый из телевизора, книг и народной мудрости.

В два года ты ожидаешь, что дочь приберет за собой игрушки или ляжет спать одна, и удивляешься и даже сердишься, когда она так не делает.

Когда рождается второй, уже знаешь по опыту, что двухлетки не убирают за собой и не спят одни, поэтому даже и не пытаешься. Малыша никто не будет просить убираться. А старшему уже исполнилось пять, в этом возрасте ему следовало бы не только убираться, но и мыться, накрывать на стол... Когда младшему пять, уже знаешь, что бесполезно ругать его или сердиться и что он будет всеми силами избегать таких обязанностей, как накрывать на стол и мыться. Но

все еще надеешься, что старший ребенок, которому уже восемь, будет сам готовить уроки, беспрекословно слушаться и больше заниматься, например, собакой... Всегда ощущаешь себя молодым родителем с несчастным старшим сыном, от которого всегда ждешь зрелых и ответственных поступков, ведь он старше остальных. Забывая, что он ведь тоже еще ребенок.

Старайтесь относиться к своему старшему малышу так же, как и к младшему.

Стресс

Наши дети платят за последствия нехватки у нас времени или сил, за наши стрессовые ситуации. Это нечто, не имеющее быстрого решения. Но, безусловно, первый шаг – осознать, что эта проблема существует.

В конце семидесятых годов психолог из США Джон Унгер Зуссман (Zussman, Unger John) провел небольшое исследование эффекта, производимого отвлечением родителей на детей¹. Он отобрал сорок пар братьев, старший из которых посещал детский сад при университете с трех до семи лет, а младший был в возрасте от одного до шести лет. Оба находились в лаборатории с одним из родителей (двадцать матерей и двадцать отцов, которые думали, что проводится исследование детских игр). За ними наблюдали с помощью фальшивого зеркала. Было мало игрушек и несколько предметов (полная пепельница и куча бумаг). В течение десяти минут мать или отец были свободны, и им предлагалось заниматься со своими детьми в привычном для них режиме. В течение последующих десяти минут родители должны были составлять анаграммы, меняя порядок букв в паре слов.

Во время этого занятия они демонстрировали значитель-

¹ Zussman, J.U., «Situational determinants of parental behavior: Effects of competing activity». *Child Development*, 1980, 51, 792–800. www.jstor.org/discover/10.2307/1129466?uid=3737952&uid=2&uid=4&sid=21102072864271

но меньше положительных эмоций (взаимодействие, ответы ребенку, поддержка, стимул) в отношении старшего брата, но в то же время больше негативных (вмешательство, критика, наказания) в отношении младшего. В их поведении как бы читалось: «Я занят. Старший пусть сам разбирается, а с младшим надо перестать играть в бирюльки, и главное – сказать ему, что и как он должен делать».

Моя первая мысль по поводу этого исследования была такой: если такая простая и маловажная вещь, как решение анаграмм в психологической лаборатории, меняет нашу манеру общения с нашими детьми к худшему, как же быть с такими повседневными заботами, как заправка кровати, приготовление ужина, чтение книги, ТВ? А настоящие проблемы – работа, заботы, болезнь, собственная или кого-то из близких?

Но затем я обратил внимания на другую деталь: время – всего десять минут?! За такой короткий период родители могут сделать достаточно, чтобы успеть сравнить и изучить да и в целом – получить какие-либо результаты? Хватило ли у них десяти минут на то, чтобы поддержать, научить, урезонить и наказать?

Вот именно. Рассмотрим следующие примеры.

- Взаимная или близкая привязанность, определяемые как «проявление физической привязанности или тепла в отношении ребенка, или выражение особой радости, эйфории или энтузиазма»:

когда родители не были заняты, они проявляли их в среднем 4,88 раз к старшему и 9,38 раз к младшему. В течение десяти минут, когда были заняты, демонстрация чувств снижались до 2,92 и 7,63 соответственно, снижение, которое не было статистически значимо.

- Участие в занятиях ребенка: когда не были заняты – 3,38 раз со старшим и 5,16 раз с младшим. Во время поиска анаграмм – 3,37 и 10,94 (значительный рост по отношению к младшим братьям и сестрам).

- Замечания и наказания, обозначенные как «упрекать, критиковать, ругать, наказывать или угрожать наказанием»: когда не были заняты – 0,71 раз к старшему, 0,14 к младшему. Во время выполнения анаграмм 0,32 и 0,76 раз за десять минут (значительный рост в отношении младших. В отношении старших слишком малые цифры для статистической значимости).

И я, всегда гордившийся тем, что никогда не наказывал моих детей, потому что ни разу не сказал: «Ты наказан и не пойдешь гулять/не съешь сладкое/не посмотришь ТВ»... Но если взять в расчет каждое «успокойся», каждое «Посмотри, что ты наделал», каждое «Ну, хватит уже!»...

Признаю, что изучение этого исследования стало для меня открытием. С высоты прожитых лет, с уже взрослыми детьми, теперь отдаю себе отчет в том, сколько раз за день мы общались по-плохому или по-хорошему с нашими детьми.

Родители из исследования Зуссмана ругали своих детей

с периодичностью раз в каждые пятнадцать минут – полчаса. Хорошей новостью является то, что они проявляли свою привязанность почти каждую минуту, хвалили каждые две минуты, стимулировали их на самостоятельный поиск информации раз в две минуты, чему-то учили раз в две минуты. На протяжении всего детства наших детей у нас есть миллионы возможностей и достаточно времени, чтобы успеть пообщаться и научить их хорошим вещам.

Развод

(Я не буду вдаваться в технически-законодательные дискуссии. Я говорю о фактическом или правовом расставании родителей, не важно, были ли они официально в браке или нет.)

Нет сомнений, что сегодня родители разводятся гораздо чаще своих предшественников. И не только потому, что в Испании развод был запрещен. В других европейских странах, где развод разрешен уже пару веков, тоже был зафиксирован значительный их рост в конце XX века. Мы сейчас переживаем подлинную эпидемию разводов. В 2011 году в Испании было зарегистрировано сто семьдесят три тысячи браков и сто десять тысяч разводов. Если бы пропорция сохранилась на этом же уровне, мы могли бы утверждать, что разводятся две трети пар.

Знаю, то, что я сейчас скажу, не понравится некоторым моим читателям (ведь в Испании именно потому, что во времена франкизма разводиться было запрещено, мы привыкли воспринимать развод как прорыв, как завоевание демократии), но – вам не кажется, что разводов слишком много? Вижу аналогию с кесаревым сечением: никто не сомневается, что это большое достижение, что в каких-то случаях без него не обойтись, что оно спасает жизни. Но когда в стране производится не 10 % кесаревых, а 30 и даже 70 %, мы гово-

рим, что это слишком, что проводятся ненужные операции, что помимо спасения жизней, они также вызывают проблемы. Возможно, нам следовало бы сделать что-то, чтобы попытаться уменьшить избыток разводов так же, как мы делаем что-то, чтобы попытаться уменьшить избыток кесаревых.

Развод разрушителен для детей. Американская Академия педиатрии делает следующие выводы²:

- Младенцы и дети младше трех лет воспринимают стресс, боль и обеспокоенность своих воспитателей; они чаще бывают раздражительны, больше плачут, возрастают страхи, беспокойство при расставании, возникают проблемы со сном и с пищеварением и регресс в развитии.

- В возрасте четырех-пяти лет дети обычно обвиняют самих себя в разрыве и в неверности, становятся более «прилипчивыми», демонстрируют экстернализации (истерики), воспринимают с плохой стороны все, что происходит в процессе развода, боятся быть покинутыми, у них все усиливается состояние кошмаров и страхов.

- Дети школьного возраста могут выглядеть подавленными или обеспокоенными, проявлять больше агрессии или истерик, испытывают неудобство в своей половой идентичности и чувствуют отверженность и

² Cohen, G.J., American Academy of Pediatrics. Committee on Psychosocial Aspects of Child and Family Health. «Helping children and families deal with divorce and separation». *Pediatrics*, 2002, 110, 1019–1023. <http://pediatrics.aappublications.org/content/110/5/1019.full.pdf>

предательство со стороны отсутствующего родителя. Может ухудшиться школьная успеваемость, дети страдают из-за конфликтов лояльностей и считают себя достойными наказания.

- У подростков резко снижается самооценка и самоуважения, развивается ранняя эмоциональная независимость для управления своими негативными чувствами по отношению к разводу и потере идеального образа обоих родителей. Их ярость и замешательство часто ведут к злоупотреблению алкоголем и наркотиками, плохой успеваемости, неподобающему сексуальному поведению, депрессии, агрессивности и хулиганству.

- В любом возрасте дети могут иметь такие психосоматические симптомы, как ответ на истерику, потерю, боль, ощущение того, что тебя не любят, и другие стрессовые факторы. Они могут пытаться манипулировать одним родителем против другого, потому что им нужно ощущать контроль над ними и подвергать сомнению правила и ограничения. Безусловно, они чувствуют себя виноватыми и ответственными за развод и верят, что они должны попытаться восстановить брак.

Подобные эффекты сохраняются в течение долгого времени. В Финляндии Томас Хуурпе (Huurre, Tomas) с коллегами³ опросил почти 1500 молодых людей в 16 лет и еще

³ Huurre, T., Junkkari, H., Aro, H., «Long-term psychosocial effects of parental divorce: a follow-up study from adolescence to adulthood». Eur Arch

раз в 32 года. Только половина детей разведенных родителей имела такую возможность и поступала в университет, в два раза чаще были безработными, курили и выпивали намного больше... и сами они разводились в два раза чаще. На первый взгляд, есть элемент наследственности в разводах. Может, по причинам социально-экономическим, общим для родителей и детей, может, из-за плохого примера или отсутствия хорошего, из-за того, что детство прошло в ежедневном существовании в нестабильной семье. А может, потому что, как указывает теория привязанности, качество первых отношений (обычно, с матерью) влияет на качество других отношений на протяжении всей жизни.

Я не говорю, что это единственная или самая важная из причин, но сам факт неадекватных отношений с собственными родителями способствует тому, что в дальнейшем взаимодействие с другими людьми также будут неадекватными, включая супружество. Самый крайний случай касается тех детей, которые оказались разделенными со своими родителями.

Джеймс Расби (Rusby, J. S.)⁴ в начале XXI века выделил более 700 британцев в возрасте от 62 до 72 лет, которые в детстве были разделены со своими родителями и вывезены из городов в сельские пригороды для защиты от бомбарди-

Psychiatry Clin Neurosci, 2006; 256, 256–263.<http://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs00406-006-0641-y.pdf>

⁴ Rusby, J.S., «Effect of childhood age in foster care on the incidence of divorce in adulthood». J Fam Psychol 201, 24, 101–104.

ровок. Те дети, которые расстались с родителями в возрасте от 4 до 6 лет, страдали в дальнейшем от разводов чаще, чем те, кто расстался в 13–15 лет. Могут ли так же влиять на возможность последующих разводов и другие, менее трагические, расставания, более короткие, но более частые? Или, возможно, влияет на эмоциональные расставания факт того, что твои родители были рядом, но игнорировали тебя? Я не нашел никаких исследований, которые развеяли бы мои сомнения.

Развод является опустошающим для детей, и поэтому представляются оправданными любые усилия на поддержания единства брака (или гражданского союза). На первый взгляд, все за нас. Уже нет браков по соглашению или удобству, вы вступаете в брак с человеком, которого вы знаете, который вам нравится, с которым вы встречались несколько месяцев или лет, с которым вы уже (зачастую, в наши дни) жили вместе. И почему же такой провал? Думаю, мы часто забываем поливать этот росток.

Супружество требует усилий, твердой и ежедневной решимости поддерживать и укреплять его. Надо каждый день трудиться, чтобы твоя пара была счастлива, вместо того, чтобы ожидать, что твоя пара будет делать счастливой тебя. Надо постоянно говорить, как мы любим нашу половинку, и доказывать это делами. Надо совершать поступки еще до того, как нас попросят об этом. Надо почти во всем уступать.

Внимание, я не говорю «Уступи в этом, а она уступит в

другом», или «Я говорю ему, что люблю его, и он мне скажет, что любит». Думаю, что брак не в порядке, если мы собираемся забрать себе все блага и внимание. Здесь применима знаменитая фраза Кеннеди: «Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя, спрашивай, что ты можешь сделать для твоей страны».

Мои читатели уже должны были познакомиться с основной идеей, которую я всегда рекомендую в отношении детей: давать им безусловную любовь. Мы их любим не потому, что они убирают со стола или убираются в комнате, заботимся о них не потому, что они делают домашние задания. Мы их любим, потому что это наши дети, и мы заботимся потому, что они в нас нуждаются. И, разумеется, большинство детей накрывают на стол и выполняют домашние задания, но они так же не делают это, чтобы мы взамен их любили или заботились о них. Отцы и дети испытывают взаимную любовь друг к другу, взаимную и бескорыстную. Они ничего не ждут взамен. Думаю, что брак должен функционировать в том же ключе.

И поэтому мне кажется особенно обидным то, что иногда происходят споры по поводу воспитания детей, что ставит в опасность сам брак. Вам кажется, что жена слишком ругает детей или что ваш муж чересчур настаивает с едой? Это нормально, супруги не всегда могут быть полностью согласны во всем. Вы не можете внушить свои собственные мысли вашей половине, как бы вы ни были правы. Если вы считае-

те, что следует относиться к детям с любовью и уважением, начните сами относиться к своей жене или мужу с любовью и уважением.

Никто не «разводится» со своим ребенком. По крайней мере, пока он маленький. Да, есть родители, которые сильно ссорятся со взрослыми детьми и даже с подростками, иногда даже перестают с ними общаться и теряют всякий контакт. Но не с детьми младшего возраста. В три года, в восемь или двенадцать лет, что бы ни произошло, что бы они ни натворили, никто не «разведется» с ребенком. Никто не скажет: «Я имею право снова начать мою жизнь с ребенком, который лучше учится и более послушен. Эти дети не такие, какими были вначале, любовь прошла и нет смысла поддерживать эту связь». Никто нас к этому не принуждает, и мы продолжаем жить с нашими детьми с любовью и энтузиазмом, что бы ни произошло и что бы они не делали. По крайней мере, пока они маленькие. Возможно, нам следовало бы также попытаться продолжить отношения с нашей половиной, что бы ни произошло и что бы она не делала. По крайней мере, пока наши дети маленькие.

Если несмотря на все наши усилия, семья распадается, то необходимо защитить от последствий этого шага в первую очередь детей, их будущее.

Дети должны знать, что никакой их вины в разводе нет. Папа ушел не потому, что ребенок плохо себя вел. Папа и мама ссорились не из-за него, не потому, что он получил

плохую отметку. Чтобы предотвратить подобные ситуации, хорошо бы никогда не ссориться из-за оценок, поведения, сна, еды или любой другой вещи, связанной с детьми (разумеется, можно говорить, обсуждать и придерживаться противоположных мнений, но не надо кричать и рукоприкладствовать). Не плохо бы никогда не произносить таких тупейших фраз, как «Если ты будешь плохо себя вести – мама уйдет», «Если будешь плохо себя вести, я тебя не буду любить», «Я сыт тобой по горло»... Но даже если все это предусмотреть, дети могут ощущать свою вину за расставание родителей.

Не надо использовать детей в качестве ракетного оружия для победы над соперником или заложников в переговорах.

Не надо манипулировать детьми, настраивая их против другого родителя. Не только из уважения к супругу, а прежде всего из уважения к самим детям.

Никому не нравится, если плохо говорят о его матери или об отце. Никому не нравится думать, что его отец или мать – недостойный человек. Не надо втягивать детей в конфликт лояльностей. Даже с помощью тонких комментариев подобного содержания: «Я уже знаю, что с папой/мамой ты прекрасно развлекаешься», произнесенных тоном: «Ты развлекаешься, а я тут страдаю в твое отсутствие», еще и намеренно исполненных таким тоном, чтобы испортить ребенку все развлечение. Если ребенку задают вопрос типа: «Ты предпочитаешь провести Рождество в доме папы или мамы?», ре-

бенок должен ясно понять по тону и по контексту, что это не экзамен, что тут нет одного правильного ответа и что, на самом деле, мы одобрим любой ответ, что бы он не сказал. *(И также ничего ужасного нет в том, что оба родителя будут встречаться вместе на праздниках и днях рождения. Если мы можем видеться с нашими двоюродными братьями, которых встречаем хорошо, если три раза в год, также мы можем и цивилизованно видеться с нашими экс.)*

Не будьте собакой на сене, которая сама не ест и другим не дает. Например, я видел детей, вынужденных идти в детский сад или оставаться на обед в школе в то время, как их мать или отец прекрасно могли забирать их в эти часы. Если ребенок не может быть с вами, то почему не с другим родителем? Не надо вступать в гонку подношений и подарков, пытаясь купить привязанность ребенка.

Не надо высмеивать дисциплинарные нормы другого родителя, но это совсем не означает, что и вам надо им следовать. В разных семьях – разные порядки. Ничего страшного. Однако такие различия могут быть представлены просто как факт: «Я не хочу, чтобы ты смотрел кино, потому что уже очень поздно и надо идти в кровать» или «Нет, ты уже знаешь, что тут мы едим пирожные только по воскресеньям». Нет необходимости добавлять: «Твоя мать тебя очень избаловала, позволяя так поздно ложиться» или «Не знаю, о чем думает твой безответственный отец, разрешая тебе пирожные каждый день».

Важно, чтобы маленькие дети не расставались надолго и слишком рано со своим основным воспитателем (которым обычно, но не всегда, является мать). Многие испанские судьи привычно определяют «субботы-воскресенья через неделю и пятнадцать дней летом с отцом», и это может быть очень хорошо в десять лет, но настоящий кошмар в два года. Так же плохо это и для отца, превращающегося в «плохого дядю, который уводит меня от мамы» и который вынужден проводить немало времени с плачущим ребенком. Что бы ни сказал судья, всем желательно договориться о более рациональном и щадящем для ребенка режиме посещений.

А чтобы прийти к такому договору, оба должны уступать. Мать не может прикрываться очевидным страданием ребенка с целью отказа отцу в любом контакте. Нет, что надо сделать – это изменить длительность и частоту контактов. Пара часов в день с отцом, которого знаешь и любишь, – и прощайте сорок восемь часов с незнакомцем, которого почти не помнишь (или про которого помнишь только то, сколько с ним плакал две недели назад).

Берри Бразелтон (Brazelton, Berry T.) и Стэнли Гринспен (Greenspan, I. Stanley) посвятили главу своей книги *«Базовые нужды детства»*⁵ именно этому вопросу. Маленькому ребенку следовало бы видеть отца каждый или почти каждый день, по возможности в присутствии своей матери, в

⁵ Brazelton, T.B., Greenspan, S.I., «Las necesidades basicas de la infancia». Editorial Grao, Barcelona, 2005.

парке, например. Ребенок доволен, потому что его мама рядом и, таким образом, он может установить правильную взаимосвязь с отцом. В дальнейшем, по его желанию, он сможет проводить больше часов с отцом. Возможно, к трем годам (или позже) он захочет проводить одну из ночей отдельно от своей матери, с теми же предосторожностями, с какими другие дети остаются на ночь в доме своих бабушек-дедушек: надо позвать, посмотреть – как там дела, а если не складывается, то поехать его «спасать» и оставить идею ночевки вне дома на потом. Когда мы увидим, что ребенок провел ночь с отцом без проблем, то можно решиться и на две ночи подряд. Некоторые дети шести или семи лет способны провести две недели отдельно от своей матери, но, вероятно, многие предпочли бы, чтобы это были две недели не подряд или три отрезка по пять дней.

Телевидение

Раньше не было телевидения. Я это точно знаю – мне было семь лет, когда родители его купили.

Телевидение имеет огромное влияние на развитие детей и на их отношения с родителями. Боюсь, что не все перемены будут положительными. Боюсь, что телевизор появился у нас, чтобы остаться, так что, поскольку страдать по тому золотому времени, куда никогда не вернемся, смысла нет, лучше подумаем о том, как нам минимизировать проблемы.

- Есть мнение, что ТВ вредит развитию зрения младенцев и детей младшего возраста, поэтому эксперты не рекомендуют детям младше двух лет смотреть телевизор, компьютер и другие видеоустройства (*см. стр. 148*).

- Телевидение не может воспитывать детей. Дети старшего возраста могут кое-чему научиться из хороших документальных фильмов. Но младенцы и маленькие дети ничему не учатся у «образовательного DVD», потому что они нуждаются в интерактивном общении со взрослыми, которые бы реагировали на их действия и эмоции. Телевизор «не вступает с нами в реакцию», а показывает свою программу, что бы мы не делали.

- Телевизор занимает время, иногда много часов, в жизни ребенка. А в сутках только двадцать четыре

часа. Если ты смотришь телевизор, то не можешь играть, бегать, разговаривать, общаться с друзьями или родителями...

- Он отнимает время, иногда очень много, и из жизни родителей. Если смотришь телевизор, то не можешь следить за ребенком, заниматься им, отвечать на его вопросы, говорить с ним, рассказывать сказки.

- Телевизор занимает значимое место, почти как алтарь, в столовой. В некоторых семьях уже сидят не вокруг стола, а рядом – перед телевизором. Беседа, таким образом, уходит (или ограничивается обсуждением программ).

- Многие фильмы и сериалы передают измененное понимание реальности. В кино нам показывают «плохих» и «хороших», мало оттенков для понимания человеческих слабостей, для дружеского урегулирования различий. Также там обычно больше конфликтов, чем в реальной жизни (определенные сериалы о студентах просто пугают. Когда я учился в университете таких вещей не было, но конечно, сериал будет скучным, если молодежь только будет ходить на учебу, шутить, играть в футбол и немного учиться).

- Телевидение переполнено рекламой. Самой разнообразной, в надежде, что ты купишь что-то, что тебе не нужно (если тебе что-то нужно, и так это купишь, без чьих-либо уговоров). Реклама еды – не о моркови или чечевице, а о напитках и лакомствах. В Квебеке, Швеции и в Норвегии запрещена реклама направленная на детей, мы же еще от этого очень

далеки.

- И это мы еще не упомянули телепомойку с непрерывными ток-шоу или насилием...

Мы, родители, и так проводим много часов отдельно от наших детей из-за работы или школы. Надо попытаться сделать так, чтобы телевизор не пожирал большую часть из оставшегося нам на общение времени.

Глава 2. Стили воспитания

Существуют ли различные формы воспитания детей? Да, вероятно, – миллионы. Возможно ли разделить эти миллионы стилей воспитания на несколько небольших групп? Да, применяя радикальное сокращение и компилируя различные подходы и методики.

Стиль сближения

Некоторые родители, читающие эту книгу, думают, что они практикуют нечто, именуемое естественным родительством, или же «Стиль сближения». Так мы попытались перевести английское выражение *attachment parenting* – метод, разработанный педиатром Вильямом Сирсом (Sears, William). Многие полагают, что это дословно означает «давать грудь, практиковать совместный сон и часто брать на руки». В действительности же, существуют несколько различных «принципов стиля сближения», по API (Attachment Parenting International), www.attachmentparenting.org/, например:

1. Готовиться к беременности, родам и воспитанию
2. Вскармливать с любовью и уважением
3. Чутко реагировать
4. Телесный контакт
5. Обеспечить хороший сон – физически и эмоционально
6. Любящий и последовательный уход
7. Практиковать позитивную дисциплину
8. Искать равновесие между личной и семейной жизнью

Сам термин, *attachment theory*, введен в теорию сближения детским психиатром Джоном Боулби (Bowlby, John). Но речь идет об абсолютно различных вещах. Теория сближения говорит непосредственно о том, что все дети (за исклю-

чением разве что какой-то сильной патологии) устанавливают сближение, которое может быть уверенным или неуверенным. Большинство детей имеют уверенное сближение. В эпоху, когда было «запрещено» брать детей на руки, когда оставлять их плачущими было нормой и когда практически никто не кормил грудью, большинство детей устанавливало уверенное сближение. И напротив, в обществах, где практически все дети спят с родителями, переносятся привязанными к спине и сосут грудь в течение двух или трех лет, есть дети с неуверенным сближением.

Уверенное сближение зависит не от времени, проведенного ребенком на руках, а от того внимания, которое ему уделяют. То есть от того, насколько быстро и эффективно воспитатель ответит на нужды ребенка, воспринимает его чувства, давая ему утешение и уверенность. Можно постоянно носить ребенка на руках, при этом не обращая на него внимания, или даже, если он уже подросток, настаивать на его ношении, в то время как сам ребенок хочет ползать. Можно брать плачущего ребенка на руки, но не принимать его и не отвечать на его нужды, а отвергать его или насмехаться («Как же такое возможно – такая большая девочка», «Какой ты некрасивый, когда плачешь», «Не надо так себя вести, ничего страшного») или противопоставлять предполагаемое страдание взрослого нуждам ребенка («Не делай так маме», «Будь хорошим мальчиком и не плачь», «Если будешь плакать, папа рассердится»). Или отвечать враждебно («Ну вот,

опять началось!», «А сейчас, что опять с тобой не так?»). Младенец и маленький ребенок нуждаются в спокойных родителях, которые знают или предполагают, что делать в различных обстоятельствах. Он должен знать, что может плакать, если у него какое-то затруднение, потому что получит утешение и помощь. Ребенок не чувствует себя уверенным с родителями, которые кажутся неуверенными, запуганными или раздраженными его плачем (или иногда все вместе). Можно брать ребенка на руки и в то же время игнорировать или эмоционально его отвергать.

Это родители должны заботиться о своих детях, а не наоборот. Ребенок не должен ощущать, что он не может плакать, потому что «мама расстроится или рассердится».

Разумеется, все мы, родители, делали по крайней мере что-то одно хорошо, а что-то другое – плохо. Все мы, родители, делали сотни вещей хорошо, и сотни – плохо. Сближение зависит не от того, что происходит в отдельно взятом или нескольких отдельных случаях, а от того, что происходит в большинстве случаев.

Ребенок, который знает, что, как правило, его родители его поймут и утешат, когда он плачет или испытывает какое-то затруднение, развивает *уверенное сближение*. В присутствии матери он испытывает доверие и, соответственно, уверенность, чтобы ползать, ходить, исследовать, не теряя свою маму из виду. Он может на время отдаляться, потому что знает, что всегда сможет вернуться. Когда его мама ухо-

дит, он пугается и плачет, когда его мама возвращается, бежит к ней и просится на ручки, но быстро успокаивается и продолжает играть и исследовать мир вокруг.

Ребенок, которого обычно отвергают, учится избегать новых отказов и полностью прекращает что-либо просить – ведь так ему не смогут отказать. Он развивает *уклончивое сближение* или *избегающее* (другими словами). Он может выглядеть наигранно уверенным или независимым, потому что не просит ни рук, ни утешения. Создается впечатление, что ему не важно, тут ли его родители. Играет и исследует все один, не следя за матерью, плачет мало, когда остается один, но не ищет свою мать. Даже избегает ее, когда она возвращается.

Когда реакция родителей несостоятельна, когда ребенка то с любовью приласкают, то отвергают или не замечают, он может прибегнуть к постоянному привлечению внимания в надежде, что когда-нибудь да сработает. Так он развивает *стойкое сближение* или двойственное. Он липнет к матери и просит постоянного внимания. Когда мать с ним, едва разлучается с ней. Когда она уходит – плачет в полном отчаянии. Когда она возвращается – все время будет при ней, и ей понадобится много времени, чтобы его успокоить. И в то же время он периодически будет ее отталкивать.

Как стойкое, так и уклончивое сближение ребенок развивает, чтобы извлечь максимальную выгоду из ситуации, которая не является для него оптимальной, комфортной. Но

в более серьезных случаях ребенок просто не способен использовать какую-либо стратегию. Так происходит *беспорядочное (дезорганизованное)* сближение. Многие из этих детей пережили жестокое обращение или физическое насилие, или они являются детьми родителей, его переживших.

Неуверенное сближение может приводить к психическим проблемам во взрослой жизни⁶.

(Разумеется, представленные случаи относятся к младенцам, которые ползают и начинают ходить. Совершенно нормально, если четырехмесячный малыш никогда не хочет разлучаться с вами, как и нормально, что пятилетний ребенок не плачет, если вы уходите.)

Канадский психолог Сюзан Голдберг (Goldberg, Susan) опубликовала интересную работу о причинах и следствиях уверенного сближения, проиллюстрированную видео с демонстрацией типов взаимодействия между родителями и детьми. Вы можете прочитать ее (на английском) по ссылке <http://www.aboutkidshealth.ca/En/News/Series/Attachment>.

Голдберг делает выводы, каким должно быть поведение родителей для формирования уверенного сближения:

- Уделяйте внимание. Научитесь распознавать сигналы, что вашему ребенку плохо.
- Будьте отзывчивыми. Ваш ребенок должен знать, что вы поняли, насколько ему плохо, и ответите на его

⁶ Mosquera, D., Gonzalez A., «Del apego temprano al TLP». Mente y cerebro, 2011, 46, 18–27. <http://www.investigacionciencia.es/files/6965.pdf>

призыв о помощи.

- Будьте последовательны. Последовательный и предусмотрительный ответ на необходимое утешение создает у ребенка чувство уверенности.

- Демонстрируйте свое участие и заинтересованность. Принимайте плохое состояние или эмоциональное страдание своего ребенка вместо того, чтобы судить его или отрицать.

- Утешайте и защищайте. Успокаивайте и утешайте своего ребенка, когда ему плохо.

С более краткими выводами (на испанском) чилийского психолога Фелипе Леканнелера (Lecannelier, Felipe) можно ознакомиться здесь: <http://www.crececontigo.gob.cl/adultos/columnas/ques-el-apego-y-como-podemos-fomentarlo-con-nuestros-hijas/>.

Сближение – устоявшаяся психологическая теория, но «воспитание со сближением» не является распространенной идеей в сфере медицины или психологии. Само выражение «attachment parenting» ни разу не фигурирует на pubmed.gov, где содержится более двадцати миллионов научных статей. Напротив, там имеются более пятисот статей, содержащих выражение «parenting style» (стили воспитания). Когда ученые говорят о стилях воспитания, они имеют ввиду совсем иное. Обычно, речь идет об одном из вариантов классификации, разработанном американским психологом Дианой Баумринд (Baumrind, Diane).

Виды воспитания по Баумринд

Посмотрим, как классифицируются родители на одном из популярных веб-страниц по воспитанию (www.bebesymas.com/ser/padres-/que-tipo-de-padres-somos).

Авторитарные родители мало ценят привязанность, но высоко – контроль. Требуют многого от детей, осуществляя усиленный и постоянный контроль за их поведением, нагнетая его утешением и наказанием. Их дети демонстрируют переменчивое настроение, агрессию и проблемы с поведением.

Либеральные родители – это те, кто высоко ценит привязанность и мало – контроль. Такие родители любят и эмоционально чувствуют, но не ставят рамок в поведении. Их дети зачастую импульсивные, незрелые и не контролируют себя.

Демократичные родители высоко ценят и привязанность и контроль. Заботятся о своих детях и чувствительны к ним, но устанавливают ясные ограничения и поддерживают предсказуемую обстановку. Этот стиль родительского поведения имеет наиболее положительный эффект в социальном развитии ребенка. Дети таких родителей наиболее любопытны, больше других доверяют себе и лучше всего учатся в школе.

И, наконец, родители, мало ценящие как привязанность, так и контроль, определяются как ***индифферентные родители***. Эти родители не устанавливают границ своим детям, но также и уделяют им мало внимания и/или эмоциональной поддержки. Их дети обычно требовательные и непослушные, им очень трудно участвовать в играх и социальном общении, так как они не следуют правилам.

Если мы хотим лучшее для наших детей, то знаем, какой дорогой идти, и помним, что никакие крайности до добра не доводят.

На другом сайте родителям более детально объясняют, что может происходить с детьми при различных стилях воспитания (www.elbebe.com/educacion/estilos-educativos-padres-autoritarios-permisivos-democraticos):

Авторитарные родители: обычно растят детей послушными, но при этом очень зависимыми, не веселыми и непредсказуемыми. Их моральные устои ригидны и с трудом производят код собственного поведения. Самооценка обычно низкая, они уязвимы для стресса и легко раздражаются.

Либеральные родители: сначала эти дети более веселые, чем воспитанные в авторитарной среде, но при дальнейшем наблюдении недостаток контроля приводит к снижению самоуважения, поскольку поставленные задачи превосходят их возможности.

Когда они подрастают, то превращаются в трудных подростков, нарушающих нормы общественного порядка в поисках внешних границ.

И наконец, *авторитетный стиль* (его называют также демократическим и доверительным): воспитывает детей с хорошим уровнем самоконтроля и самоуважения, способных добиваться решения поставленных задач, приспособленных к межличностным отношениям. Это независимые, но любящие дети, обладающие собственной системой моральных ценностей.

Если присмотреться, обе классификации весьма различаются. В первой – четыре типа/стиля, во втором – только три. Да, оба едины в том, что авторитетные родители (демократичные) – лучшие, но нет единого мнения о результатах. Первое объяснение гласит, что таким образом воспитанные дети – любопытны, уверены в себе и хорошо учатся. Второе объяснение – что у таких детей высокий уровень самоконтроля и самооценки. И они настойчивые, независимые и любящие. Все эти результаты позитивные, но не равнозначные. И в случае с авторитарными родителями также не то же самое – иметь детей агрессивных и с проблемами поведения или послушных и зависимых.

И, безусловно, авторы на каждом из сайтов категорично утверждают, что именно их определенная форма воспитания детей приводит к должному ясному, окончательному

и предсказуемому результату. Как будто бы только они одни знают – какими будут ваши дети. И выглядит все это, как у авторов гороскопов: «Рыбы трудолюбивы, Раки – верные...» (или было наоборот?). Читая эти информативные страницы (а иногда также предположительно серьезные книги), можно увериться в том, что все дети, например, либеральных родителей вырастут малолетними преступниками.

Но в реальной жизни положение вещей совсем не такое безоблачно ясное. Да, есть определенная научная база под этими обобщениями. Да, ситуативное поведение родителей обычно вызывает определенное поведение детей, но ведь это только тенденция. Полностью доказано, что табак вызывает рак, но большинство курящих людей никогда не заболеют раком, а многие люди с раком никогда не курили. Растить детей это не то же самое, что кашеварить: «Смешайте яйца, молоко и муку, поместите в духовку и получите бисквит». Есть много способов вырастить ребенка, но никогда точно не знаешь, что в результате получится.

Проанализируем сейчас подробнее научные данные, которые стоят за этими более-менее популярными объяснениями популярных воспитательных стилей.

В конце семидесятых Диана Баумринд описала три стиля воспитания, по-английски – *authoritarian*, *authoritative* и *permissive*⁷. Первое и третье слова имеют ясный перевод, а

⁷ Baumrind, D., «Effects of authoritative parental control on child behavior». *Child Development*, 1966, 37, 887–907. <http://persweb.wabash.edu/facstaff/hortonr/articles>

со средним сложнее. Это слово в английском существует и применяется к книгам или к экспертам, означая что-то вроде «авторитет по какому-то материалу». В испанском есть одно слово – *autoritativo* (авторитетный). Слово это я в своей жизни не слышал и не видел до того момента, пока не нашел его в словаре – полторы минуты назад. Полагаю, что кто-то вероятно использовал его для перевода материалов по теме родительских стилей воспитания, но в нескольких статьях серьезных испанских экспертов (которые мы потом приведем) используют слово *autorizativo*, которого в словаре нет и которое имеет, по моему скромному мнению, определенные связи с английским оригиналом. Так как *authoritative* вызывает образ отца, который опирается на авторитет (со знанием дела), но без уклона в авторитаризм (приказ и руководство). В то время как слово *autorizativo* (авторитетный) вызывает образ родителей, которые «авторизуют», иначе говоря – разрешают детям совершать какие-то действия. Так что, люди, сведущие гораздо больше меня, написали *autorizativo* (авторитетный), и я буду придерживаться этого термина.

Когда Баумринд описала в 1966 году в первый раз эти три стиля, она определила авторитетный стиль как средний, промежуточный, между двумя наиболее крайними и резко направленными.

Потворство (попустительство, либерализм) [...] является антитезой тезиса о том, что правильная

манера воспитания ребенка состоит в том, чтобы отец или учитель играли роль всезнающего переводчика всемогущего божества [...]. Синтез [...] предлагается в этой статье под определением «авторитетного контроля».

Примеры либерального и авторитарного подходов, приводимые Баумринд, – являются крайне противоположными: школа Саммерхилл Александра Нейла (Neill, A.S.). Авторитарные – где родители прошлых веков применяли «божественную волю». Как пример авторитетного воспитания приводится школа Монтессори.

Ниже представлю оригинальные описания всех трех стилей, сделанные самой Баумринд. Некоторые моменты в процессе перевода меня смутили: в то время как в испанском мы употребляем множественное *padres* (родители), говоря одновременно об отце и матери (или несколькими отцами и матерями), в английском используется одно слово, совершенно отличное: *father, mother, parents* – «отец, мать, родители». Баумринд в своих описаниях использует *parent* в единственном числе, что следовало бы перевести как «отец или мать», или «родители». Но в дальнейшем она постоянно употребляет местоимение в женском роде – *she* (она). И никогда не говорит *he* (он), не чередуя, как это делают в более современных текстах, *she* и *he*, чтобы выглядеть политкорректно. Все время использует *she*, как будто бы говоря все время о матери. Она могла бы с легкостью избежать этой проблемы,

используя множественное число – *parents* и *they*. Эти слова не имеют обозначение одного пола, и мы могли бы переводить, как «родители» и «они» или более точно – «матери и отцы». В другой статье, написанной пятью годами позже, она объясняет, что во избежание путаницы, использует *she* для обозначения родителей и *he* для обозначения детей. В моем переводе я предпочел использовать множественное число.

Потворствующие (либеральные) родители пытаются действовать без наказаний, принимая и положительно относясь к импульсам, желаниям и действиям ребенка, они помогают им в решениях и дают объяснения правилам, принятым в семье. Они мало требуют в отношении ответственности в доме и поведения, не нарушающего общественный порядок. Они предлагают ребенку себя в качестве ресурса, который тот может использовать по своему желанию, а не как идеал для подражания, ответственный за формирование или изменение настоящего или будущего поведения. Они позволяют ребенку самому регулировать свои занятия во всем, избегают осуществления контроля и не побуждают ребенка подчиняться внешним шаблонам. Для достижения своих целей они прибегают к поиску выгоды или к манипуляциям.

Авторитарные родители пытаются формировать, контролировать и оценивать поведение и действия ребенка в соответствии с установленным шаблоном,

обычно абсолютным, теологически мотивированным и возникшим благодаря «высшей» власти. Они ценят повиновение как добродетель и благоприютствуют силовым и карательным мерам для того, чтобы подчинить волю ребенка там, где его действия или убеждения входят в конфликт с тем, что родители считают правильным поведением. Они полагают, что у ребенка должно быть свое место, что его самостоятельность надо ограничивать и наделять работой по домашнему хозяйству, чтобы привить уважение к труду. Они высоко ценят сохранение порядка и традиционной структуры, не допускают словесных обсуждений, так как уверены, что ребенок должен считать их приказы правильными.

Авторитетные родители пытаются направить деятельность ребенка в рациональное русло, ориентированное на конкретную тему, способствуют словесному общению, разделяют с ребенком его помыслы и увлечения, когда они соответствуют нормам, и спрашивают причины возражений, если он отказывается что-то делать. Они ценят как независимую волю, так и дисциплинарное соответствие, что позволяет им контролировать все несоответствия между родителями и ребенком, но не подчинять его себе ограничениями. Они убеждают ценить свою точку зрения, как взрослых, но признают личные интересы и предпочтения ребенка. Авторитетные родители принимают и поддерживают существующие качества

ребенка, но также устанавливают определенные шаблоны, задел на будущее. Они используют причины, авторитет и моделирование усилий для достижения своих целей и не основывают свои решения на консенсусе с группой или на индивидуальных желаниях ребенка.

Википедия на английском, обычно хорошо обоснованная, в своей статье о Баумринд также представляет родительские стили в виде двух крайностей и центра:

- Авторитарный («слишком жесткий»)
- Либеральный («слишком мягкий»)
- Авторитетный («прямо в точку»)

Психолог Джон Бурí (Buri, John), о котором мы еще поговорим ниже, так же отзывается в своей статье 1991 года: «Авторитетные родители, безусловно, имеют тенденцию впадать в ту или иную крайность из этих двух».

Схема (см. рис. 1) демонстрирует мое видение оригинального описания Баумринд (насколько я знаю, она не делала никакой подобной схемы), на котором очень мало родителей по краям и подавляющее большинство – в центре. Есть одно единственное измерение, мы могли бы (гипотетически) классифицировать родителей с помощью одной единственной цифры, чтобы сказать – холодно или жарко. Так как Баумринд определенно защищает авторитетный стиль как идеальный, утешает мысль, что мы, родители, – почти все авто-

ритетные.

либеральные

авторитетные

авторитарные

Рисунок 1

Потворствующих (либеральных) родителей мало, если считать таковыми только тех, что водят детей в Саммерхилл (школа, основанная Александром Нейлом в 1921 году, которую Баумринд приводит в качестве примера либеральности). Баумринд присваивает «бум» либеральности «психоаналитическому мнению», которое «оправдало длительное грудное вскармливание по требованию, позднее и поэтапное отлучение и позднее и всепрощающее обучение контролю за сфинктерами», и книге известного всем доктора Спока 1946 года (хотя утверждает, что сам Спок позабыл о своем чрезмерном либерализме в издании 1957 года). Удивительно, что в шестидесятые годы, когда грудное вскармливание в Соединенных Штатах было на самом низком уровне, Баумринд увидела так много детей на продолжительном грудном вскармливании по требованию. Еще более удивительно, что она это связывает не с созданной как раз в то время «Молочной лигой» (1956 год), а с психоанализом.

Баумринд полагает, что авторитетный стиль – «правильный» и что другие два недостаточны. Она основывается на

различных предшествующих исследованиях других авторов, которых она цитирует, но которые не относились непосредственно к этим трем типам родителей, так как были проведены раньше, чем она их описала.

Любопытно, что все данные, которые она приводит сравнивают не три, а только две возможности. В соответствии с описанием самой Баумринд (оригинальные исследования я не читал):

1. Шесть исследований сравнивают карательные дисциплинарные практики (когда наказывают) с не карательными. Карательные связаны с ювенальной преступностью (хулиганством), зависимостью, агрессивностью.

2. Два исследования по лишению ласки в качестве наказания, которая в них представляется как зависимость.

3. Шесть исследований сравнивают предложение объясниться с жесткостью. Жесткость связана с агрессивностью, враждебностью и незрелостью.

4. Пять исследований по выполнению домашних обязанностей и законопослушному поведению – социализация наряду со снижением враждебности и агрессии (в двух исследованиях – нет разницы между группами).

5. Шесть исследований сравнивают ограничение и самостоятельность. Результаты варьируются, по одним – дети, совершившие акты хулиганства, были под меньшим присмотром, но бóльшим контролем

(«физическое наказание, лишение привилегий, угрозы и т. д.»). В другом – дети с большей враждебностью были либо слишком контролируемы, либо недостаточно (и это единственное исследование, в котором проявляются три группы, а не две).

6. Два исследования по применению родительской власти, которая связана с отвержением учителя детьми из среднего класса. В другом исследовании – она не влияет на поведение учеников, но связана с недовольством и возмущением у девочек-подростков.

7. Семь исследований строгого контроля (отец заставляет выполнять правила, может отвергать запросы ребенка, верит в то, что детьми надо управлять) и гибкого контроля: при большей твердости – меньше споров, меньше непослушания и хулиганства, больше зрелости (напористость и вера в самого себя). Но в одном из исследований у потворствующих родителей оказались более независимые и социализированные дети.

В целом, есть только двенадцать различных исследований, но некоторые из них охватывают более одного аспекта и включаются более, чем в один пункт. Исходя из этих семи групп исследований (в каждой из них рассматриваются несколько разные вещи и меры, так что не удивительно, что результаты иногда разнятся), Баумринд таким образом определяет свои три стиля воспитания:

- Авторитарный: низкий в 3, высокий в 4, 5, 6 и 7, варьируются в 1 и 2

- Либеральный: низкий в 1, 4, 5, 6 и 7, высокий в 3, варьируются в 2
- Авторитетный: низкий в 1 и 2, высокий в 3 и 7, средний в 4, 5 и 6

Чем же объяснить, почему классификация на три типа по Баумринд имела такой успех и просуществовала до наших дней, когда почти все исследования, на которых она была основана, различали только два типа родителей? Вероятно, это связано с тем, что психологически мы нуждаемся именно в трех группах, чтобы комфортнее себя ощущать. Наша культура (или все человечество?) отвергает экстремизм. С детства мы усваиваем тезисы про «золотую середину» и что «все крайности плохи». Но почти во всех исследованиях положительной оказывалась одна из крайностей. Если наказывать плохо, то соответственно — лучше было бы никогда не наказывать. Если требовать выполнения обязанностей по дому хорошо, тогда надо требовать выполнения как можно большего количества обязанностей. Родители (а психологи тоже родители или, по крайней мере, у них самих были родители) редко поддерживают крайнюю позицию. Я наказывал мало. Но был бы я лучшим отцом, если бы наказывал еще меньше? Я делал так, чтобы мои дети помогали по дому и убирались в комнате, но должен ли был я больше настаивать на этом? Классификация только на два типа оставляет большинство родителей обескураженными и с чувством непонятной неудовлетворенности. И наоборот, классифика-

ция на три типа позволяет большей части родителей чувствовать себя правильными, точно посередине, весьма далекими как от «этих авторитарных экстремистов», так и от «этих потворствующих экстремистов».

Баумринд считает, что авторитетный стиль – лучший, и описывает его таким образом, что не остается и места сомнениям. В отношении научных исследований он «умеренный в 4, 5 и 6 пунктах», в то время как другие не умеренные ни в чем. В цитируемом тексте три раза используется союз «но» для описания авторитетных родителей: «Строгий контроль... но не ломают; заставляют ценить... но признают. Соглашаются с качествами ребенка, но устанавливают шаблоны поведения». Это «но» – успокаивает, нет никаких крайних проявлений в этих добрых людях. Для описания потворствующих (либеральных) родителей «но» используется только один раз, с авторитарными – вообще его не встречаем.

Впоследствии Баумринд провела несколько экспериментов для того, чтобы доказать свою теорию. Например, в 1971 году она опубликовала подробное исследование⁸ ста сорока шести детей от четырех до семи лет, белых, из нескольких школ. Сначала наблюдали за поведением детей в течение нескольких месяцев и следили за следующими характеристиками – враждебность, сопротивление власти, незави-

⁸ Baumrind, D., «Current patterns of parental authority». *Developmental Psychology Monographs*, 1971, 4, 1–103. <http://search.proquest.com/docview/614270139/fulltextPDF/13D976FD4D82101989C/1?accountid=15293>

симось, доминирование или настойчивость.

С другой стороны, психолог, который не видел ребенка в школе, посещал его на дому и наблюдал за взаимодействием родителей и детей незадолго до ужина и до отхода ко сну (это то время, по словам автора, «в которое, как хорошо известно, обычно происходят эпизоды расхождений между родителями и детьми»). И это помимо собеседования с отцом и матерью по отдельности.

В исследовании родителей изучали по семидесяти пяти параметрам, сгруппированным в пятнадцать категорий, таких как: «ожидает, что ребенок примет участие в домашних делах» (просит его одеться или убрать игрушки...), «указывает» (много ограничений в отношении просмотра ТВ, строгое время отхода ко сну...) или «требует уважения к установленным авторитетам» (нужды родителей имеют преференцию, предполагает непогрешимость в своих действиях...). Таким образом классифицируют родителей на три классических типа и каждый – на несколько подтипов, всего восемь, потому что все разнообразие родителей не получается вместить в три подтипа, и статистические соотношения показывают, что эти три типа не однородны по составу. Кроме того, были обнаружены восемь семей, которые были определены как «гармоничные родители», некоторые из которых были включены в подгруппу «нонконформисты» из авторитетных, в то время как других и вовсе не получилось классифицировать.

Заключение мое так прозрачно, что я даже не могу его сделать или как-то пояснить, могу только воспроизвести контекст дословно:

Авторитетное родительское поведение ясно ассоциировалось с независимым и целеустремленным поведением в отношении девочек. Что же касается мальчиков, то такое поведение присуще только тем, чьи родители были нонконформистами. Авторитетный родительский контроль связывался со всеми показателями социальной ответственности у детей мужского пола по сравнению с авторитарным или попустительским родительским контролем. А также с высокими показателями у девочек, но только не в отношении с дружеским поведением и стремлением к сотрудничеству. Вопреки ожидаемому, родительский нонконформизм не ассоциировался с недостатком социальной ответственности у мальчиков и девочек.

Это не выдающийся результат. Когда сопоставляются семь черт детского поведения с восемью подтипами родителей, было бы странно не получить ни одной статистически значимой связи. А то, что ассоциации различались в соответствии с полом ребенка, делает результат еще менее убедительным.

В другой публикации от 1971 года⁹ Баумринд подробно

⁹ Baumrind, D., «Harmonious parents and their preschool children». *Developmental Psychology*, 1971, 4, 99–102. <http://search.proquest.com/docview/614274052/fulltextPDF/13D9773B45CCC1C5B7/1?accountid=15293>

описывает эти восемь семей «гармоничных родителей» (сам выбор определения уже указывает на ее симпатию к ним). Она обратила внимание на эти семьи, потому что исследователи, ответственные за заполнение анкет, не захотели заполнить некоторые пункты, так как думали, что «любые пометки в этих пунктах были бы неправильными, поскольку отец или мать, хотя почти никогда и не осуществляли контроль, все же контролировали ситуацию плане того, что ребенок обычно пытался интуитивно понять, что именно хотел родитель, и выполнял это».

И добавляет: «В то время как потворствующие родители избегали контроля, но при этом сердились, что его нет, авторитарные и авторитетные контролировали в свое удовольствие – гармоничные же родители, казалось, что и не осуществляли контроль и в то же время не избегали его применения».

В шести из этих семей были девочки, и все они были «необыкновенно компетентными» и очень умными. И, напротив, два мальчика с гармоничными родителями были «стремящимися к сотрудничеству, послушными, нецелесообразными, не ориентированными на успех и зависимыми», то есть обладающими, по мнению автора, «женоподобными» чертами (да, именно как слышите). В любом случае, их очень мало, чтобы делать какие-то выводы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.